

А.В. ГОРДОН

КНР: УТВЕРЖДЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

«Великая нация должна *открыто* смотреть на мир, а цивилизованная страна – *открыть* ему свое сердце» [Обзорный доклад... 2011, с. 74, курсив мой. – А.Г.], – таким эмоциональным обращением начинался первый доклад Китайского центра исследования модернизации. Казалось бы, и создание специального Центра при Китайской академии наук, и его ежегодные с 2001 г. публикации обзорных докладов о «модернизации в мире и Китае» свидетельствуют о полном торжестве модернизационной парадигмы в КНР. Не случайно авторы избрали стилистику долженствования, чтобы обосновать необходимость изучения истории и теории модернизации, выдвинув при этом в качестве важнейшей ценность «открытости миру».

Возможности для утверждения модернизационной парадигмы возникли с переходом КНР к «политике реформ и открытости»¹, идейно-теоретическим обоснованием которой она послужила. Препятствием к утверждению парадигмы является идеологическая догматика, освящающая монополию компартии Китая (КПК) на власть и потому остающаяся на вооружении партийного аппарата.

4 января 2006 г. в еженедельном приложении к общенациональной молодежной газете «Чжунцинбао» была опубликована

¹ Хотя реформы в КНР начались фактически с конца 1970-х годов (деколлективизация), новый курс утвердился с осени 1992 г., с выступлений Дэн Сяопина во время его поездок по югу Китая.

статья профессора Чжуншаньского университета (г. Гуанчжоу) Юань Вэйши «Модернизация и учебники по истории», вызвавшая суровое осуждение властных инстанций. Отдел пропаганды ЦК КПК обнаружил в статье «отрицание более чем вековой борьбы китайского народа против иностранной агрессии и прямую атаку на Китайскую коммунистическую партию и социалистическую систему». А отдел пропаганды Коммунистического союза молодежи Китая, в ведении которого находится газета, принял резолюцию о том, что статья «оправдывает преступные действия империалистических держав, вторгшихся в Китай, и жестоко оскорбляет национальные чувства китайского народа» [цит. по: Li Huaiyin, 2010, p. 336]. В статье была затронута официальная доктрина КПК – «революционная парадигма», представлявшая китайскую историю Нового времени в трех фазах: борьба с империализмом и феодализмом; победоносная коммунистическая революция; поступательное строительство социализма. Между тем репрессий не последовало.

Инцидент 2006 г. продемонстрировал ученому сообществу КНР (и международному экспертному сообществу), что время безальтернативного господства «революционной парадигмы» прошло и наряду с ней подспудно в обиход вошла радикально отличная парадигма китайской истории, обосновывающая возможность эволюционного преобразования страны и ставящая под вопрос постулат о социализме как о единственной перспективе решения проблем Китая.

«Начиная с середины 1980-х годов, – пишет синолог из Техасского университета Ли Хуайинь, – в описании новой истории Китая отмечается переход от восхваления восстаний и революций к акцентированию модернизации и реформ в конце правления Цин и в республиканский период (1840–1949)». Напротив, восстания и революции видятся «в лучшем случае излишними, а в худшем – контрпродуктивными для развития Китая» [Li Huaiyin, 2010, p. 337].

В «революционной парадигме» период от «опиумных войн» (1840–1860) до подавления Ихэтуаньского восстания (1901) связывается с иностранной агрессией, а та, в свою очередь, знаменует «самое вопиющее проявление западного империализма и корень всех бед Китая в Новое время». Оппоненты находят здесь стимулы для модернизационных реформ. По Мао Хайцзяню, сопротивление интервентам было обречено из-за отсталости Китая, и потому

лучшим выходом для императорской власти было «заключить относительно благоприятный договор с Великобританией, и чем раньше, тем лучше».

«Компромисс», доказывает Мао Хайцзянь, нельзя отождествлять с «капитуляцией», а «капитуляцию» с «предательством». Сопротивление интервентам было корректно с «моральных позиций», но ошибочно с «политических». Нанкинский договор (1842)¹, открывший для Великобритании пять китайских портов, одновременно открыл для Китая возможность покончить с застойностью. «Трудно вообразить, чем бы был Китай сегодня, не откройся он в середине XIX в. или откройся позже», – заключал Мао Хайцзянь [Мао Найjian, 1995, с. 484; цит. по: Li Huaixin, 2010, p. 348–349].

Либеральные поборники модернизационной парадигмы отслеживают благоприятные последствия экспансии империалистических держав. Иностранные концессии стали эффективными инструментами распространения современной цивилизации в китайском обществе, начиная с коммунального хозяйства, общественного транспорта и муниципального управления. Были заложены основы современной системы высшего и среднего образования. Появились первые университеты, до сих пор входящие в число лучших в КНР; 2 тыс. миссионерских школ, откликаясь на потребности китайского общества, готовили учителей, инженеров, механиков. Открытие миссионерами школ для девочек положило начало женскому образованию в Китае, а вместе с ним – утверждению принципа женского равноправия.

Введение модернизационной парадигмы изменило тональность историописания. Ее сторонники, в отличие от предшественников-либералов и историков-коммунистов, поставили в центр дискуссии вопросы, не *как* и *почему* Китай не смог модернизироваться, а *что* было достигнуто на этом пути. Исторический оптимизм пришел на смену пессимизму, придававшему китайской истории трагический колорит, отзывавшийся в обществе горечью и разочарованием, а также героической манере официальной историографии, сводившей китайскую историю к роковой схватке сил

¹ Договор характеризовался в советской историографии как «первый неравноправный договор, навязанный Китаю» и открывший путь превращению страны в «полуколонию».

добра и зла. «Новая история Китая была пересказана как медленное, но постоянное движение к модерности... которое, к несчастью, было прервано коммунистической революцией и последующим маоистским радикализмом, но восстановилось после Мао» [Li Huaiyin, 2010, p. 360].

В методологическом плане новую парадигму освящал авторитет западных теоретиков модернизации. Концепция модернизации, утратившая, казалось бы, свое значение в исследованиях развивающихся стран [Гордон, 1981], с конца 1980-х вновь выходит на первый план, чему способствовали, с одной стороны, сдвиги в мировой экономике и политике (крах мировой системы социализма, экономический подъем ряда стран Азии и Латинской Америки, рыночные реформы в КНР и СРВ), а с другой – качественное обновление самих теорий модернизации под влиянием постмодернизма.

Первооткрывателем теорий модернизации в КНР считается профессор американской истории Пекинского университета Ло Жунцзюй (1927–1996), который во время пребывания в Принстонском университете США (1981) сблизился с одним из теоретиков модернизации С.Е. Блэком, автором книги «Динамика модернизации: Проблемы сравнительной истории» (1966). Опасаясь обвинений в распространении «западных буржуазных теорий», Ло лишь в 1986 г. выступил с первой статьей «Теория модернизации и исторические исследования» в ведущем историческом журнале КНР «Лиши яньцзю». В 1993 г. выходят в свет монография Ло «Новый взгляд на модернизацию: История модернизации в Китае и мире» и сборник под его редакцией «Сравнительно-страновое изучение модернизации».

Одновременно с пропагандой идеи модернизации выступил гонконгский профессор Дин Сюэлян. В 1985 г. он опубликовал рецензии на книги Сирила Блэка и Мариона Леви, а в 1988 г. в самом престижном журнале КНР по общественным наукам «Чжунго шэуэй кэсюэ» была помещена его пространная статья «Генезис и концептуальные основы теории модернизации» с изложением классических социологических теорий, начиная с Тённиса, Дюркгейма и Макса Вебера. Осуществленная в 80-х годах серия переводов на китайский язык социологической классики от М. Вебера и Т. Парсонса до С. Хантингтона и Г. Алмонда стала основным источником знания о теориях модернизации.

Теоретики модернизации в КНР постарались отыскать отечественных предшественников, вспомнив, в частности, Цзян Тинфу, который еще в 1930-х годах описывал развитие Китая после «опиумных войн» как переход от аграрного к индустриальному обществу, считая этот процесс проблемой всех незападных обществ после их столкновения с Западом [Jiang Tingfu, 1939]. Впрочем, сам термин «модернизация» в 1930-х годах в науке отсутствовал, и термин *цзиньдайхуа*, употреблявшийся Цзян Тинфу, отдаленно соответствует современному понятию модернизации. Ученые КНР используют для ее обозначения другие термины – *сяньдайсин* [Китай... 2005, с. 91] или *сяньдайхуа*. Последний используется и в «модернизационном» словаре руководства КПК.

В 1990-х годах модернизационная терминология стала популярной среди партийного руководства, найдя отклик в теории «четырех модернизаций» Дэн Сяопина. В общем контексте «социализма с китайской спецификой» концепция модернизации стала идеологической санкцией превращения китайской экономики через коммерциализацию, приватизацию, глобализацию в часть мировой капиталистической системы. При этом собственно «модернизация» сводится преимущественно к преобразованию экономической сферы – индустриализации и информатизации, а политическая модернизация если и принимается во внимание, то трактуется обычно как усовершенствование госаппарата и повышение эффективности партийного руководства.

Демократизации противопоставляется упор на стабильность политической системы при монополии власти КПК. Есть здесь очевидная перекличка с выводами С. Хантингтона и американских «ревизионистов» 1970-х годов о важности политической стабильности (обычно при авторитарном режиме) для модернизирующихся обществ. Однако, учитывая уроки распада СССР и находя, что КПСС погубила «статическая стабильность», приведшая к «око-стенению» правящей партии, руководители КПК склоняются, по определению американских сиологов, к «эластичному авторитаризму», усматривая в нем основу для «динамической стабильности» всей политической системы [Shambaugh, 2008].

Хотя выдвигание модернизационной парадигмы было для ученых КНР формой идейно-теоретической эмансипации и в политическом отношении выражало либеральную оппозицию офи-

циальному курсу, китайские «модернизационщики» опасаются фиксировать свои расхождения с марксизмом и генеральной линией на построение «социализма с китайской спецификой». Они постарались интегрировать «революционную парадигму», представив революции частью более общего процесса модернизации: «Модернизация в Китае продолжается... с 1860 г... На первую (фазу. – А.Г.) приходится попытки модернизации, предпринятые в 1860–1911 гг. династией Цин, на вторую – развитие модернизации в период с 1912 по 1949 г. в Китайской Республике, третья фаза началась в 1949 г. и продолжается поныне» [Обзорный доклад... 2011, с. 79].

Тенденция к включению коммунистического периода в общую эволюционную схему появилась еще в работах 1990-х годов. Так, Лу Фухуй во введении к коллективной монографии «Ранняя модернизация в Китае в сравнительной перспективе» (1993) признает, что коммунистическая революция стала необходимой для «создания централизованной эффективной власти», поскольку цинские и республиканские правители оказались неспособны к проведению модернизации.

В монографии «Модернизация Китая в исторической перспективе» под редакцией Ху Фумина (1994) коммунистическая революция рассматривается как «кульминация националистического движения», завершение «создания современной нации-государства», а успех коммунистов в этом государственном строительстве объясняется, в частности, выдвиганием собственной националистической доктрины (теория «новой демократии»), которая «адаптировала марксизм к китайским социальным и политическим условиям». Высказывается и противоположное мнение, что приход к власти КПК был не модернизационной революцией, а «самым драматическим эпизодом сугубо традиционнейшего явления смены династии», или, как выразился Сюй Цзилинь, один из авторов «Истории модернизации Китая, 1800–1949» (1995), – «династической революцией».

При всех частных различиях, обобщает позиции этих авторов Ли Хуайинь, очевидно, что коммунистическая революция уже не является «окончательным решением проблем исторического развития Китая». Это «побочный продукт», следствие неудач предшествовавших режимов в государственном строительстве, и

это только «средство достичь модернизации, но не собственно цель, каковой является модернизация» [Li Huaiyin, 2010, p. 353].

Со своей стороны, левая оппозиция, используя официально апробированную терминологию, незамысловато сужает понятия. «Модернизация» трактуется как преобразование крестьянской страны в промышленную державу, которое сводится исключительно к индустриализации. Большой вопрос для идеологии правящей партии об отношении к наследию Мао «новые левые» решают просто: «великий кормчий» оказывается родоначальником китайской модернизации. Дэн Сяопин изображается верным продолжателем модернизационного курса Мао; в то же время отмечается, что он «исправил старые ошибки», перенеся центр стратегии с «классовой борьбы на экономическое развитие», с «закрытости» на «открытость» и отвергнув «традиционную социалистическую модель советского образца». Характерно и толкование политической модернизации как «построения независимого, свободного и единого государства», а культурной модернизации – как торжества «марксистского образа мышления» [Li Huikang, 2007, p. 43–45].

Критика слева вскрывает идейно-теоретическую необоснованность реформаторского курса КПК с точки зрения ортодоксального марксизма. Компенсацией этих издержек становится противопоставление «западной модели» «китайской модели», «капиталистической модернизации» – «социалистической». К аргументированию такого противопоставления привлекаются основоположники марксизма и их критика буржуазного общества и капиталистической экономики. Так, Маркс и Энгельс под пером консервативных защитников китайских реформ оказываются ведущими теоретиками современной модернизации [Zhang Juxiang, Guo Huaq, 2011].

В качестве идейно-теоретических основ «социалистической модернизации» выдвигаются ценности политической стабильности и социальной гармонии. Первая из них афишируется со времени подавления студенческих манифестаций на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. Вторая прочно вошла в идеологический и научный дискурс с приходом «четвертого поколения» руководителей КПК (2002) наряду с такими теоретическими конструктами, как «человек в качестве основы», «всесторонне сбалансированное развитие», «научно обоснованное развитие» [Карнеев, 2011].

За время бурного экономического роста 1990-х годов в стране форсированными темпами нарастало социальное неравенство, возникли «зоны нищеты», обострился разрыв между городом и деревней, между преуспевшими приморскими провинциями и стагнировавшей «глубинкой». Доктрина «социалистической модернизации» становилась в этих условиях обоснованием курса Ху Цзиньтао – Вэнь Цзябао на преодоление социальных деформаций.

Свою поправку в толкование модернизации вносят представители так называемого «китаецентричного» направления (*чжунго сюэпай*). Подчеркивая важность для решения задач модернизации всего китайского наследия (включая наследство всех 60 лет истории КНР), они отвергают представление, что «будущее Китая – это настоящее стран Запада» и Китай обречен копировать путь развитых стран. Успешный опыт китайских реформ, доказывают они, бросает вызов традиционному противопоставлению плановой экономики и рынка, демократии и диктатуры, государства и общества. Свою задачу «китаецентристы» видят в том, чтобы, по колоритному суждению их лидера, профессора Института международных отношений Пекинского университета Пань Вэя, преодолеть «предрассудки», основанные на ментальном доминировании «гегемонистского дискурса Запада», и, отбросив «новое мракобесие» нашего времени, «утвердить уверенность жителей Китая в полноценности своей культуры и цивилизации» [цит. по: Карнеев, 2011, с. 268].

Кроме понятного желания преодолеть возникший в ходе принудительной модернизации комплекс неполноценности и мобилизовать патриотизм народа для продолжения курса реформ, в логике «китаецентристов» выявляется совершенно определенный политический подтекст. По утверждению Пань Вэя, «народно-демократическая диктатура под руководством Коммунистической партии Китая лучше всего соответствует потребностям страны в настоящее время». Требуя преодоления «культы демократии»¹, Пань доказывает, что можно воспользоваться всеми преимуществами политической системы развитых стран без внедрения демо-

¹ Характерно название одной из его книг – «Законность и предрассудки демократии – китайская модернизация и мировой порядок глазами сторонника законности». Кит. яз. [Карнеев, 2011].

кратических норм, введя «консультативный парламент» и даже «власть закона» [цит. по: Cong Riyun, 2009, p. 134].

Такой подход вызывает активное неприятие либералов. Для них «китаецентричная» модель – не просто попытка теоретического обобщения китайского опыта реформ, а, как определяет российский китаевед, «политическая доктрина, призванная посредством пропаганды китайской исключительности законсервировать в неизменном виде однопартийную систему власти в КНР» и не позволить «прогрессивным силам в партии и госаппарате инициировать и осуществить реформирование политической системы страны» [Карнеев, 2011, с. 268].

Своеобразной попыткой выстроить некую общую платформу представляются ежегодные доклады академического Центра по модернизации. Взывая к патриотическим чувствам, авторы в полной мере демонстрируют национальную гордость: «Китай обладает великой историей, древней культурой и уникальными людьми. Ничто в мире не сможет остановить его развитие, принизить мудрость китайского народа, сдержать прорыв китайских инноваций или ограничить возможности развития страны» [Обзорный доклад... 2011, с. 81, 231].

Красной линией проводится, с одной стороны, мысль, что модернизация является всемирно-историческим процессом, в основе которого лежат универсальные и объективные закономерности. А с другой – что успешное осуществление этих закономерностей зависит от качеств и воли субъекта. При заявленном субъектном подходе модернизация предстает «соревновательным процессом»: как «международное соревнование в стремлении достичь и удержать высокий по мировым меркам уровень развития» [там же, с. 15].

Объективно, в силу «всемирного тренда», модернизируются и те страны, которые плетутся в хвосте мирового развития. Так было и с Китаем, который «упустил множество блестящих возможностей» вырваться вперед: в XVIII в. – первую промышленную революцию, в XIX в. – вторую, наконец, в 1945–1970 гг. – «третью промышленную революцию (наилучший момент для автоматизации и создания индустриальной экономики)». Тем самым осторожно признается, что маоистский период с точки зрения полноценной модернизации тоже был временем упущенных возможностей, а началом их реализации стал лишь переход к «поли-

тике реформ и открытости», который совпал с началом «четвертой промышленной революции (информатизацией)» [Обзорный доклад... 2011, с. 245].

Возможности, открываемые всемирно-исторической эпохой, доказывают авторы доклада, можно использовать, «только двигаясь с опережением», «только находясь в ее авангарде». В противном случае даже великой нации грозит регресс: «На протяжении тысячи лет... (с 500 до 1500 г. н.э.) Китай был мировым лидером». Но XVIII в. оказался переломным: аграрный строй страны не выдержал конкуренции с индустриальной цивилизацией. Итак, если «в аграрную эру Китай был одним из столпов цивилизации», то во время промышленной революции «ему пришлось довольствоваться ролью учащегося на своих ошибках» [там же, с. 84, 249].

Модернизируясь, Китай должен вернуть себе положение мирового лидера и в новую эру, «эру знаний», стать «одним из ее первопроходцев». Однако авторы понимают, что это очень непростая задача. Модернизация предстает в их глазах полем битвы, которая называется «межстрановой конкуренцией»: из 10 млрд. будущего населения развивающихся стран только 500 млн., по их расчетам, получают «возможность насладиться благами модернизации» [там же, с. 234, 249]. Модернизационный процесс в таких условиях становится отчаянной гонкой за лидером, в которой положение нынешних лидеров отнюдь не гарантировано.

Специфику современной ситуации докладчики предлагают оценить через призму «теории вторичной модернизации», основные положения которой ее автор, руководитель академического Центра по модернизации Хэ Чуаньци, впервые опубликовал в 1998 г. По его мнению, модернизационный процесс распадается на две фазы: «первичная» связана с индустриальной эрой, «вторичная» – с информационной, или эрой знаний. Хэ относит свой подход к «постмодернизационным» теориям, возникновению которых китайские авторы придают большое значение.

Прежде всего, «постмодернизационные» теории более адекватны современному миру, чем классические теории модернизации, которые исчерпали себя после того, как промышленные страны в 60-х годах XX в. завершили «классическую модернизацию». В этот период стало понятно, что индустриальная экономика – «не конечная точка и не кульминация мирового экономического раз-

вития», а индустриальное общество – «не конечная точка развития человеческого общества». Как считают авторы доклада, эволюция развитых стран в явлениях деиндустриализации и дезурбанизации демонстрирует преодоление «рамки индустриальной цивилизации» [Обзорный доклад... 2011, с. 51].

Но главное для китайских авторов, что «постмодернизационные» теории больше подходят для анализа развивающихся стран, и прежде всего самого Китая, поскольку в отличие от модернизационной «классики» в них модернизация не отождествляется с вестернизацией, что открывает перспективы для учета специфики процессов, протекающих в развивающихся странах. «Теория вторичной модернизации» предназначена для того, чтобы учесть эту специфику, которая выражается в наложении двух фаз процесса – «первичной» и «вторичной». Сложность этого совмещения заключена в том, что две фазы модернизации, будучи тесно связанными, «подчиняются разным законам и обладают различными чертами». В большой мере «первичная модернизация» закладывает основу для «вторичной», например, на первой фазе индустриализация обеспечивает успех информатизации и глобализации как отличительных черт второй фазы, а общее начальное образование служит ступенью для перехода к всеобщему высшему образованию. В других случаях отмечается не просто несоответствие, но и столкновение противоположных тенденций – например, концентрации производства и децентрализации.

При проведении первичной модернизации целями экономического роста являются удовлетворение материальных потребностей населения и достижение экономической безопасности страны. При вторичной упор делается на повышение качества жизни с «целью удовлетворения потребности людей в счастье и самовыражении». В ходе первичной модернизации экономическое развитие выступает основным приоритетом, от чего страдает экология; в ходе вторичной экономика и экология «приносят взаимную пользу» [там же, с. 38, 95].

В докладе «теория вторичной модернизации» предлагается в качестве обоснования оптимальной национальной стратегии. За 50 лет Китаю «упорной работой» «удалось перейти от традиционного аграрного общества к индустриальному и вступить в фазу первичной модернизации». На данном этапе необходимо завер-

шить первичную модернизацию и одновременно «в максимально сжатые сроки» осуществить вторичную. В связи с этим у Китая возникает уникальный шанс – вырваться в лидеры с помощью успехов в информатизации и сфере знаний. Уже сейчас, подсчитали докладчики, «если основываться на индексе вторичной модернизации», уровень страны по сравнению с другими выше, чем «если делать сравнение по степени завершенности первичной» [Обзорный доклад... 2011, с. 98].

Однако, поскольку вторичная фаза во многих аспектах «является противоречащей и нивелирующей первичную», наложение двух модернизаций представляет серьезнейшую проблему. У развитых стран не было такого вызова, Китай прокладывает особый путь, для которого докладчики предлагают свое ноу-хау на ближайшие 50 лет, – «стратегию интегрированной модернизации»¹ [там же, с. 95, 246; курсив мой. – А.Г.].

Особое внимание уделяется вопросам культурной модернизации (ей посвящен специальный доклад Центра за 2009 г.). Если в XXI в. «удастся достигнуть культурной модернизации, китайская культура вернет себе доминирующее положение в мире и внесет неопределимый вклад в прогресс цивилизации» [там же, с. 216], – таковы амбициозные цели, которые выдвигаются в этом аспекте. Однако модальность фразы тоже обращает на себя внимание.

Итак, в глобальном плане культурная модернизация Китая – вклад в общечеловеческую цивилизацию, в обустройство жизни на земле: «Если наша планета – физический дом всех людей, то культура должна быть их духовным домом». Культурная модернизация является всемирно-исторической потребностью и одновременно рациональным выбором различных стран и народов, которые «должны нести ответственность за свой выбор», поскольку развитие национальной культуры – это созидание «духовного дома» всего человечества [там же, с. 196, 198].

¹ По мнению авторов предисловия, такая стратегия подходит и России: «И в России важно различать две стадии модернизации – индустриальную (первичную) и информационную (вторичную). Требуются большие скоординированные усилия, направленные одновременно на скорейшее *завершение* первичной и *развитие* вторичной модернизации... Речь идет об интегрированной модернизации России – координации путей и результатов двух стадий модернизации» [Обзорный доклад... 2011, с. 11].

Во всемирно-историческом масштабе модернизация начинается именно с культуры: научная революция и Просвещение предшествовали промышленной революции в Англии, американской и французской революциям. «В развивающихся странах, напротив, – считают авторы доклада, – экономический рост и социальный прогресс могут стать толчком для культурной модернизации» [Обзорный доклад., 2011, с. 199].

Хотя модернизация является естественным эволюционным процессом культурного развития человечества, этот процесс «не вращается сам по себе, как небесное тело, а движется вперед за счет инноваций и их диффузии». При этом культурная модернизация, считают докладчики, может выступать в форме рыночной конкуренции: «Как товары, произведения культуры могут быть произведены и проданы на рынке с целью получения прибыли». Таким образом, культурные инновации «могут зависеть... от рыночной конкуренции» [там же, с. 198–199].

Развивая этот своеобразный рыночный подход к модернизации в сфере культуры, китайские специалисты приходят к знаменательному выводу: «Культурная конкурентоспособность постепенно становится главной конкурирующей силой страны», иначе – важнейшим козырем в международном соперничестве [там же, с. 201]. Так в теоретическом плане подкрепляется одно из фундаментальных положений внешнеполитической доктрины КНР о роли «мягкой силы» в повышении международного авторитета страны [How to improve... 2010].

Поэтому, когда мы читаем о модернизационном значении международного культурного сотрудничества, следует учитывать, что, в представлении китайских ученых, Китай может в будущем, как было и в прошлом, претендовать на первенство во взаимодействии культур. Культурная модернизация – это «процесс международного культурного взаимодействия, включающего в себя международное сотрудничество, обмен, конкуренцию и конфликты. Нет такой страны, которая не впитала бы в себя элементы культуры других стран в ходе культурной модернизации, и ни одна страна не должна отвергать международный культурный обмен и сотрудничество в ходе модернизации», – таков один из основополагающих постулатов модернизационной парадигмы ученых КНР [Обзорный доклад., 2011, с. 200].

Не менее важен другой: «Нет такого удачного примера осуществления культурной модернизации, который можно скопировать». Ведущие страны дают «пример для обучения, но не для подражания». Модернизация принимает разные формы, осуществляется по «разным моделям и в разных режимах». Требования культурной модернизации можно унифицировать, поскольку цель одна. Но «идут к этой цели разными путями» [Обзорный доклад..., 2011, с. 200].

Выбор страной своей модели в значительной мере обусловлен ее культурным наследием. «Культурная глобализация... подчеркивает его историческое значение», а это ни много ни мало, по мысли авторов, обеспечение национальной идентичности, «источник культурных инноваций», основа «культурной индустрии» и, наконец, – «составляющая культурной конкурентоспособности и влияния». Культурная модернизация включает поэтому «частичное унаследование и развитие традиционной культуры» при «частичном отказе от нее» [там же, с. 201, 214].

Культура каждой страны и народа уникальна, и «с позиций международных законов и гуманизма каждый тип культуры равен всем остальным и имеет равные шансы на сохранение и развитие». Одним словом, авторы доклада выступают против гегемонизма, за сохранение культурного многообразия мира. Однако, трактуя последнее, они явно отходят от установок постмодернизма, вводя дополнительное измерение в виде перспектив развития.

В таком измерении разные культуры, утверждают докладчики, имеют «разную конкурентоспособность» и потому «не равноценны». Под этот тезис выстраивается иерархическая модель жизнеспособности и влияния: «центральными становятся несколько крупных культур», влияние других слабеет, а часть культур «постепенно затухает», превращаясь в культурное наследие, элементы которого «становятся лишь товаром на рынке». Некоторые вовсе «отмирают», не получив развития, защиты или поддержки [там же, с. 195, 214].

Несмотря на различные упрощения, в целом очерченная авторами доклада картина модернизационного процесса выглядит весьма непростой, а сам процесс – многомерным. Не случайно они призывают «избегать линейного мышления», столь характерного не только для авторов «классических» теорий модернизации, но и

для тех ее моделей модернизации, которые по-прежнему имеют распространение в КНР как среди «новых левых» сторонников социалистического пути, так и среди либеральных поборников модернизации.

Процесс, как подчеркивают авторы, явлен существенными отличиями в разных странах (показательно, что среди «постмодернизационных» теорий они вспоминают концепцию «множественной модерности» Ш. Эйзенштадта [Eisenstadt, 2000]), а его направление на разных фазах может не совпадать. «Некоторые культурные изменения, например связанные с институтами и идеями, вовсе нелинейны». Например, «переход от традиционной культуры к современной, от современной – к постмодернистской и от материальной – к экологической» [там же, с. 199].

«Модернизация происходит не раз и навсегда», и культурная тоже «является частично обратимой и при определенных условиях может пойти вспять», – предупреждают китайские ученые. Модернизационная парадигма как способ видения перспектив страны при всем историческом оптимизме имеет у них отчетливо различимый эвентуальный аспект: «Неизвестно, что сулит нам будущее, но история строится людьми. Народ, обладающий великой историей, определенно способен создать великое будущее» [там же, с. 81, 199, 234].

Сосредоточение ученых КНР на свойствах исторического субъекта вполне очевидно. Кроме патетических обращений к китайскому народу, его патриотизму и мудрости, встречаются попытки культурно-исторической и социологической типизации. Оригинальной особенностью является выделение в качестве субъекта модернизации многомиллионного китайского крестьянства. Директор Института политических исследований Педагогического университета Центрального Китая Ху Юн пишет: «Чтобы понять “китайское чудо”, мы прежде всего должны понять китайского крестьянина... Чтобы понять крестьян, мы должны прежде всего оценить “крестьянскую рациональность”. А чтобы показать, как эволюция крестьянской рациональности поспособствовала “китайскому чуду”, необходимо» пересмотреть основывающуюся на дихотомии «традиционность – модерность» классическую социологическую теорию, в которой крестьянство предстает исключительно консервативной силой, субъектность которой выявлялась в отстаи-

вании аграрной цивилизации и сопротивлении утверждению индустриально-рыночной цивилизации [Hu Yong, 2011, p. 5].

Рациональность китайского крестьянина, трансформируясь при переходе КНР к рыночной экономике из «рациональности выживания» в «рациональность развития», и привела к сотворению «китайского чуда». В этом, убежден Ху Юн, заключена одна из закономерностей цивилизационного перехода: «В переходный период, когда одна цивилизация сменяется другой, сильные стороны двух цивилизаций могут соединяться, порождая эффект взаимоусиления (*superimposed advantage*)». Именно «органическое соединение сильных сторон (традиционной. – А.Г.) крестьянской рациональности и современного индустриально-рыночного общества высвободило мощнейшую энергию, беспрецедентную как для традиционного аграрного общества, так и для современного индустриально-рыночного общества» [ibid., p. 11].

Трудолюбие, бережливость, стойкость и другие крестьянские качества стали двигателем экономического рывка. С началом реформ китайские крестьяне работали с тем же усердием, что и их предки в далеком прошлом. Их «тяжелый труд, а не техника обеспечил рост конкурентоспособности экономики Китая», тогда как условия рынка создали возможность для роста крестьянского благосостояния. Доходы возросли, но крестьяне предпочитали наращивать сбережения. Их высокий уровень позволяет китайским крестьянам легче переносить колебание рыночных цен, а стране – справляться с влиянием мирового финансового кризиса [ibid., p. 12–13].

В рыночной экономике крестьянские традиции обеспечили возможность «сотрудничества между трудом и капиталом». Предприниматели получают большие доходы, но и мигранты зарабатывают гораздо больше, чем дома. Забастовочное движение находится на низком уровне, поэтому издержки на зарплату минимальны, а прибыль велика. Рост инвестиций обеспечивает в том числе из-за рубежа. В результате китайские товары невероятно дешевы, что способствует высокой конкурентоспособности промышленности.

Конкурентоспособность поддерживается традицией неформальных отношений: «Если бы более 100 млн. рабочих-мигрантов Китая нуждались в агентствах занятости, число бы последних стало астрономическим. Если бы китайские мигранты и их предпри-

ниматели обращались к правовым инструментам для решения возникших проблем, их юридические издержки были бы огромными» [Hu Yong, 2011, p. 16].

Традиционные способности китайцев к обучению сыграли свою роль в использовании достижений развитых стран, а стремление к стабильности обеспечило мирный характер реформирования. В 1990-х годах недовольство крестьян выразилось в многочисленных выступлениях, но сыграло роль традиционное свойство «довольствоваться малым». Стойкость крестьян к материальным лишениям позволила китайскому обществу преодолеть трудности реформирования, которых не выдержали другие страны с переходной экономикой (страны бывшего СССР). Отсюда, учитывая высокую цену, которую заплатило крестьянство Китая за экономический рывок, следует, что «каждая страна должна выбирать собственный путь развития, соответствующий национальным условиям и настроениям в обществе» [ibid., p. 19–20].

Выдающаяся роль крестьянских традиций, подчеркивает Ху Юн, строго ограничена исторически. Уже у второго поколения мигрантов заметен отход от установок на тяжелый труд. Их интересует не только зарплата, но и условия труда, обстановка на предприятии. То же самое с бережливостью: по стандартам потребления новые поколения крестьян сближаются с горожанами. Уходит в прошлое дешевизна труда. С ростом крестьянских потребностей усиливается нестабильность, и власти должны тратить больше средств на поддержание гражданского мира. Возрастающие социальные расходы снижают экономическую конкурентоспособность.

Учитывает Ху Юн и то, что влияние крестьянских качеств в индустриально-рыночной экономике может быть негативным. Когда складываются слабые стороны двух цивилизаций, возникает «эффект взаимоослабления (*superimposed disadvantage*)». Когда требуются инновации, а не подражательность, установка на обучение становится негативным фактором. Традиционная мораль родственно-дружеских связей в индустриально-урбанистическом обществе поощряет коррупцию. Популистские ожидания оборачиваются огульной ненавистью к богатым, что чревато социальным взрывом. Пока протестные выступления не приобрели общей направленности. Но если последнее произойдет, все достижения «китай-

ского чуда» окажутся под вопросом, предупреждает ученый [Hu Yong, 2011, p. 20–21].

Даже если отвлечься от тенденции включить идеи модернизации в доктрину построения «социализма с китайской спецификой», модернизационная парадигма в КНР, как мы продемонстрировали, имеет свои отличительные черты. Модернизация – процесс бесконечный, и он может быть обратимым. Решающую роль играют качества субъекта – творческие возможности и энергетика народа, а также гибкость режима и рациональность его политической стратегии. Наконец – это мировой «соревновательный процесс», в котором Китаю важно занять лидирующие позиции.

Литература

- Гордон А.В.* Можно ли модернизировать концепцию модернизации? // Традиционное общество и мировая экономика. – М.: ИНИОН, 1981. – С. 5–31.
- Карнеев А.Н.* «Китайская модель» и споры по поводу ее сущности в КНР // Владивосток 2012: АТЭС и новые возможности России. – М.: ИСАА МГУ, 2011. – С. 255–275.
- Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. – М.: Моск. Центр Карнеги, 2005. – 648 с.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае, (2001–2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина. – М.: Весь мир, 2011. – 256 с.
- Cong Riyun.* Nationalism and democratization in contemporary China // Journal of contemporary China. – Abingdon, 2009. – Vol. 18, N 2. – P. 831–848.
- Eisenstadt S.N.* Multiple modernities // Daedalus. – Cambridge (Mass.), 2000. – Vol. 129, N 1. – P. 1–29.
- How to improve China's soft power? // People's daily online. – 2010. – March 11. – Mode of access: <http://english.peopledaily.com.cn/90001/90776/90785/6916487.html> (Accessed: 15.11.2011.)
- Hu Yong.* The expansion of peasant rationality: An analysis of the creators of the «China miracle» – Challenging existing theories and proposing new analytical approaches // Social sciences in China. – Beijing, 2011. – Vol. 32, N 1. – P. 5–25.
- Jiang Tingfu.* Zhongguo jindaishi. – Shanghai: Shangwu yinshuguan, 1939. – Цзян Тинфу. Новое время Китая. – Кит. яз. – Описано по: Li Huaixin, 2010, p. 11.

- Li Huaiyin.* From revolution to modernization: The paradigmatic transition in Chinese historiography in the Reform era // History and theory. – Middletown, 2010. – Vol. 49, N 3. – P. 336–360.
- Li Huikang.* Analysis of Mao Zedong and Deng Xiaoping's thinking on modernization // Asian social science. – 2007. – Vol. 3, N 10. – P. 42–47.
- Mao Haijian.* Tianchao de bengkui: yupian zhanzheng zai yanjiu. – Beijing: Sanlian shudian, 1995. – Мао Хайцзянь. Династический крах Поднебесной: Переоценка Опиумной войны. – Кит. яз. – Описано по: Li Huaiyin, 2010, p. 13.
- Shambaugh D.* China's Communist party: Atrophy and adaptation. – Wash.: Woodrow Wilson center press; Berkeley: Univ. of California press, 2008. – 234 p.
- Zhang Juxiang, Guo Huaru.* Building a harmonious socialist society under the vision of modernization // Asian social science. – 2011. – Vol. 7, N 6. – P. 120–124.